КРОКОДИЛ



ВНУЧКА: — Посадил, дед, репку? Ну и тяни ее сам!

Рисунок М. БИТНОГО

А. СУКОНЦЕВ



Я НЕ ОБИЖАЮСЬ

Раньше я очень обидчивым был. По мне чуть что не так, я сейчас же в амбицию. Как, мол, так? Безобразие! Куда смотрит милиция? Подать мне директора с жалобной книгой на серебряном подносе!

И всякое такое. Скажу откровенно, натерпелся я со своим обидчивым характером. Наслушался по своему адресу всякого.

Теперь это все, к счастью, в прошлом. Как рукой сняло девятого числа. В промежутке между 21.15 и 22.10. Почему я так хорошо время запомнил? А очень просто. Потому, что с 21.15 до 22.10 по телевизору из одного южного города передачу вели. Громкую такую музыкальную передачу.

Человек сорок здоровых мужчин, хорошо одетых, с хорошим дыханием, сидят на стульях и дуют в разные духовые инструменты. Хорошо дуют. Обстоятельно. И еще там был барабан. Очень здорово этот барабан барабанил! Словно по барабанным перепонкам дробь рассыпалась. Крупнокалиберная такая дробь.

А потом операторы на фоне этой обстоятельной музыки показали стоянку такси. В том самом южном городе. Только такси на стоянке не было, а желающих сесть в такси много. По разным надобностям народу куда-то поехать приспичило, кому куда. Одному даже понадобилось жену в больницу везти. А такси нет как нет.

Но тут один из ожидающих возьми да и догадайся.

— Братцы,— осенило его вдруг,— чего это мы здесь стоим ждем? Такси-то и не будет.

— Как,— спрашивают братцы,— не будет?

— А так,— отвечает осененный,— не иначе, как нынче наши таксисты на своих дудках громкую музыку выдувают. Так что и обижаться на них нам не к лицу.

— Чудак,— говорят просвещенные братцы,— да кто ж за это на них смеет обижаться? Пущай дуют на здоровье. Спасибо, что надоумил.

— А жена моя и сама до больницы в один момент добежит. Ништо ей!

И тут вся очередь, изображенная на фоне все той же громкой музыки, в такт ей начинает приплясывать. Дескать, леший с ними, с делами, когда тут музыка играет.

Посмотрел я эту музыкальную телевизионную передачу и словно бы только в этот момент на свет заново народился. Весь свой жизненный путь пробежал мысленным взором и пришел к выводу: не так жил. Ну, не так, да и только!

В самом деле, не далее как позавчера жена говорит мне: сходил бы ты, говорит, в универмаг да купил одеяло стеганое, наше-то, мол, совсем уж прохудилось. Сунулся я в один универмаг, в другой, в третий, а одеял нету, и продавцы молчат в том смысле, что неизвестно, будут ли в текущем двадцатом столетии.

Очень я обиделся на работников одеяльной промышленности. Даже собирался ругательное письмо одеяльному министру писать и указать на его отдельные недостатки, раз он мое бренное тело стеганым одеялом прикрыть не может.

Но теперь-то я понимаю, как же я был смешон со своей обидишкой. А может, в этот момент стеганая одеяльная отрасль с нестеганой как раз соревнуется по части городков? Или, к примеру, оспаривает первенство своей системы по «морскому козлу»? А я тут, понимаете...

Или припомнил я другую обиду. Купил я механическую бритву «Спутник-67». Ну бритва как бритва, даже вся в чехле. Закрутил я пружину, нажал на кнопку, зажужжала она. Заработала, стало быть. Только я к бороде ее поднес, вдруг у меня в руке что-то как щелкнет да по ладошке мне как стукнет! Я чуть было бритву не уронил с испугу. Оказывается, это пружина с крючка время от времени соскакивает.

Только было я к этим щелчкам привыкать начал, вдруг смотрю, а у меня рука черная. Что, думаю, за оказия? Это из бритвы масло вытекает и прямо мне на руку.

Но и это еще ничего: держи под рукой завсегда ветошь — вытереть можно.

А самое же главное — бритва-то не бреет. Нет, то есть она кое-что бреет, но кое-что и оставляет. И уж тут ты хоть полчаса ширкай по небритому месту, хоть час, а огрехи все равно останутся.

И опять стал я недобрым словом поминать всю бритвенную индустрию снизу доверху. Даже в паспорт бритвенный зачем-то посмотрел, даже бумагу приготовил для разных слов.

Вот видите, каким придирой я бы выглядел?.. Ну, не буду себя бичевать. Ничего этого, слава телевидению, не случилось.

Сам я исцелился и вам совет даю: не торопитесь сразу по всякому поводу в бутылку лезть. Сперва поразмыслите. Прикиньте, что да как. Скажем, проснулись вы утром, а у вас в квартире ни воды, ни газу, ни электричества. Что тут могло быть? Поразмыслили, ан, выясняется, все просто: водоканальщики с газовиками осваивают новую игру под названием «гуру-юру». А энергетики переживают. Половина — за водоканал, половина — за горгаз.

Или, допустим, привезли вас с острым приступом аппендицита в больницу. Положили на операционный стол, а оперировать, выясняется, пока некому. Все хирурги собрались на симпозиум по проблемам кройки и вязания теплых свитеров. Ну, так что ж, бить тревогу? Звонить во все колокола из-за вашего сугубо индивидуального аппендикса, когда люди большое, общественного значения дело делают?

Может быть, некоторым слишком обидчивым читателям и фельетон этот не понравится. То, мол, да се, краски сгущены, автор против самодеятельности и против увлечений вроде бы выступает.

Не спешите свои обиды высказывать! Фельетон писал в свободное от дежурства время редакционный вахтер. А фельетонист в это время проходил региональные сборы любителей выпиливания по бамбуку.

Вникать надо, а не обижаться!



— А это от мух...

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Е. ТАШМА

Рассказ

СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В понедельник во время обеденного перерыва я обнаружил у себя собственное мнение. Встревоженный, я выкурил папиросу, потом немного успокоился и проверил себя. Собственное мнение не исчезало, а, наоборот, росло и крепло. Остаток дня прошел в каком-то тумане, домой я пришел в скверном настроении.

— Боже мой, только этого нам не хватало! — заплакала жена, узнав, в чем дело.— И почему все неприятности случаются обязательно с тобой? А может, ты ошибаешься? Может, это у тебя не свое?

— Будем надеяться, будем надеяться! — нервно шептал я.

На следующий день я решил посоветоваться с нашим председателем месткома — чутким и отзывчивым человеком.

— Первый случай в моей практике,— огорченно сказал он.— Ума не приложу, что делать. Подождем немного, авось пройдет.

Увы! Собственное мнение было на месте. И первыми это почувствовали мои сослуживцы. В нашем коллективе НИИСместа любили работать при открытых окнах. Раньше я молчал, хотя страдал хроническим насморком. Но теперь у меня, черт возьми, было собственное мнение!

— Немедленно закройте окно! В комнате холодно! — сказал я и испугался.

Коллеги тоже испугались, потому что в первый раз за много лет слышали мой голос. Кто-то встал и закрыл окно. Я успокоился. Оказывается, не так уж плохо иметь собственное мнение. Я пощупал, не исчезло ли оно, и пошел на заседание Созидательного Совета. Наш НИИСместа решал проблему: вдоль или поперек? Каждый мог иметь свое авторитетное мнение, принадлежащее признанным авторитетам в продольной и поперечной областях. Сравнительная ценность этих мнений определялась по таблице коэффициентов. Например, мнение одного доцента — кандидата наук приравнивалось к мнениям двух доцентов — некандидатов наук, мнения трех доцентов—к мнению одного профессора и так далее.

И только у меня не было никакого авторитетного мнения, кроме своего собственного. Поэтому во время продольно-поперечной дискуссии я молчал, наступив на горло собственному мнению, которое по молодости все пыталось проявить себя.

Начальник отдела, подсчитав мнения, заявил, что они уравновесились. Тогда «продольники» запели:

Вдоль по Питерско-о-й,
По Тверской Я-а-амско-ой...

— Даже в песне сказано: вдоль! — заявили они.— А из песни слова не выкинешь...

«Поперечники» тоже хотели спеть что-нибудь, но не могли вспомнить ни одной поперечной песни. Начальник отдела уже хотел объявить, что проблема решена вдоль, но вспомнил обо мне:

— А вы что скажете?

— Вглубь!

— Это правильно! — быстро согласился начальник отдела.— Чье это мнение?

— Мое собственное.

Он первым поздравил меня, а через час об этом узнал весь НИИСместа. В коридорах на меня показывали пальцами, в наш отдел по поводу и без повода заходили работники соседних отделов.

— Где он? Вот этот? Подумайте, такой молодой!

К концу рабочего дня ко мне подошел мой начальник.

— Вы очень дорожите собственным мнением? Я вспомнил свою жену.

— Как вам сказать...

— Я так и думал!

Он подмигнул мне и прошептал:

— Отдайте его мне!

— А я с чем останусь?

— Не беспокойтесь! Вы получите за него два мнения доцентов и одно мнение профессора...

Я задумался. С одной стороны, это было заманчиво, но, с другой стороны...

— Что ж тут думать? За одно неопытное собственное мнение вы получаете такую солидную замену!.. Ладно, добавлю еще одно мнение академика.

— Нет,— сказал я, помучившись,— пусть оно молодое, пусть нетвердое, зато мое собственное. Не буду меняться!

— Как хотите,— сухо молвил начальник.

И ушел. А я остался при своем мнении.

г. Одесса.

Моя реклама



В СВЯЗИ С ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ конец текущего месяца переносится на начало следующего.

КУПЛЮ ИЛИ ВЫМЕНЯЮ пиджак, облитый щами в столовой, в комплект к таким же брюкам. Коллекционер.

ВСТУПАЙТЕ В КООПЕРАТИВ! (Два учредителя ищут еще одного пайщика. Вступительный взнос 1 рубль 20 копеек.)



Рисунок М. ВАЙСБОРДА

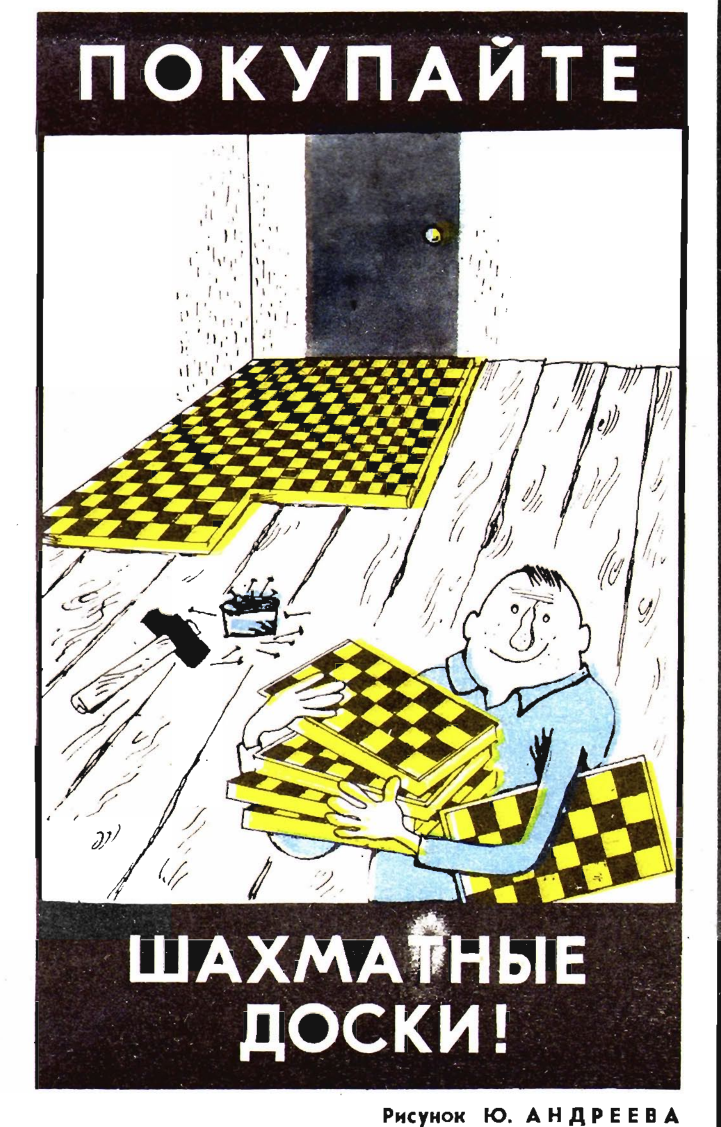


Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

ТОНКОСТИ ПСИХОЛОГИИ

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный
корреспондент Крокодила

Красота здесь просто неописуемая.

А если она неописуемая, то как же ее описать? Один Иван Сергеевич Тургенев, пожалуй, смог бы такое. И я даже подумывал найти в его рассказах пару подходящих мест и отослать к ним читателя. От греха подальше.

Потом полистал «Записки охотника», гляжу, нет там ничего похожего. Уж очень, понимаете, в этих местах краски неправдоподобно яркие. И если бы задумал их кто-нибудь изобразить, то получилась бы у него не картина, а, может, что-то вроде самодельного ковра с лебедями и пальмами, который и сейчас можно купить на базаре за три рубля.

А ведь эти ковры — mauvais genre, дурной вкус, одним словом. И ругают за них художников нещадно.

Так что мы лучше и пытаться не будем изображать. Все равно не получится. А ограничимся информацией географического порядка: тут, скажем, деревня Степаньково, тут — Вишняково, тут речка. А здесь вот — пруды, пруды, пруды, это и есть рыбхоз «Ворша». Назван он так, как вы сами понимаете, по имени речки.

Но даже из этой географии догадливый читатель сразу увидит, что места здесь действительно прекрасные.

А человек, как известно, тяготеет к прекрасному. И без прекрасного он не может обходиться продолжительное время.

Поэтому человек что делает? Он садится на мотоцикл или там на велосипед и едет в рыбхоз «Воршу». Он едет туда из разных пунктов, потому что рыбхоз, на свою беду, стоит на бойком месте. Он едет из Владимира, до которого всего двадцать восемь километров. Он едет из Собинки, из Ставрова, из Лакинска. Это все небольшие города и поселки, которые находятся недалеко. Но также он прибывает из городов масштабами побольше, зато расположенных подальше.

И все же, согласитесь, что сидеть просто так, выпучив глаза на эту красоту, не будешь. Помрешь со скуки. Поэтому приезжий берет с собой удочку, донку, подсачек. Без злого умысла, конечно. Просто для забавы.

И, прибыв во владения рыбхоза «Ворша», любитель красоты бесследно исчезает. Его можно видеть только на дороге. А потом не увидишь ни на берегу реки, где рыбу ловить можно, но где ее мало; ни на берегу прудов, где рыбы много, но ловить ее нельзя. Он просто растворяется во всей этой красоте со своим мотоциклом и подсачком. И где он наслаждается красотой, неизвестно.

А директор рыбхоза Виктор Васильевич Аляев в это время развивает планы дальнейшего повышения продуктивности рыбоводства.

— Значит, так,— говорит он.— Прудов у нас восемь? Хорошо бы завести на каждый пруд по овчарке... Знаете, бывают такие собачки, каждая с теленка ростом, злые — жуть!

— Но ведь такого теленка прокормить...

— Окупится! А еще лучше поставить на каждый пруд радиопередатчик, а в конторе — радиостанцию. Чуть где браконьеры...

— Неужели ж воровство в округе?

— Не в этом дело,— говорит Виктор Васильевич.— Просто у людей на рыбу психология другая.

Сначала нам было неясно, что хотел этим сказать директор, но потом мы убедились, что это так. И убедились, так сказать, на собственном опыте.

Действительно, в окрестных деревнях есть и свинарники, и курятники, и коровники — все что душе угодно. И никто не сбивает с них по ночам замки в расчете поживиться государственным имуществом. Хотя сделать это намного проще, чем наловить ведро карпов в кромешной тьме. А вот нагульные пруды, как магнитом, притягивают к себе людей. И тех, у которых «другая» психология, и тех, у которых она такая, какой должна быть.

Скажем, у сторожа должна быть настоящая психология? А как же! А может ли она меняться у милиционера или у прокурора? Никогда! Какие тут могут быть разговоры?!

Однако разговоры могут быть.

Вот, скажем, бухгалтер Румянцева и счетовод Климова проверяли поздно вечером сторожей. Буквально натолкнулись в кустах на браконьеров: сначала те выпивали, потом уехали на мотоцикле. И тут же из тех же кустов пожаловал сам сторож товарищ Канышев, собственной персоной. Выпивши, естественно.

— Где,— спрашивают,— браконьеры?

— А я,— говорит,— не знаю. Вам надо, вы и ищите!

Старший рыбовод Войтюк и директор Аляев рассказывают, как намеревался ловить карпов в спущенном пруду милиционер Шагаев.

Бывший прокурор Собинского района Баландин тоже любил посидеть на берегу с удочкой.

Но, к сожалению, все эти разговоры так и остаются разговорами. Потому что бывали случаи: и браконьеры пойманы, и номера мотоциклов есть, и очные ставки есть, и сами браконьеры сознались, а наказания нет.

И это одна сторона медали. Но есть, конечно, и другая сторона, которая обращена к сердцу и потому не так на виду. Ведь директор рыбхоза — руководитель большого хозяйства. И ему требуется то одно, то другое, то пятое, то десятое. Для этого же хозяйства. А в хозяйстве есть живая рыба, которую нигде больше не достанешь. Как тут быть? Одним словом, решение проблемы уж настолько ясно, что дальше некуда.

Тут выловленная рыба проходит через бухгалтерию законным порядком. Но ловить-то ее летом рано. Она еще должна расти.

И вот выходит приказ Владимирского рыбопромышленного треста:

«...Есть факты вылова рыбы и продажи ее на сторону. Случаи разбазаривания государственной рыбной продукции обнаружены и в рыбхозе «Ворша».

И список — кому и сколько. Между прочим, довольно прискорбно глядеть на этот поминальный списочек. Потому что значатся в нем многие и весьма странные организации. И почему так, неизвестно. Единственно подходящее — это объяснение директора, что рыба как-то влияет на человеческую психологию. А больше действительно ничем не объяснишь.

Закончив психологическую беседу, мы с директором собрались посмотреть пруды. К машине подошел пожилой рабочий и просто сказал:

— Виктор Василич, дай пару кило. Родственник заболел, ухи хочет.

Мне удалось промолчать, а директор, неизвестно почему смутившись, сказал строгим голосом:

— Напиши заявление...

И пояснил мне:

— Кадровый рабочий, понимаете, член профсоюза. Неудобно не дать.

Я снова промолчал. И, как потом выяснилось, хорошо сделал. Потому что на прудах планировалась уха из карпов, которая тоже должна была изменить мою психологию.

Владимирская область.







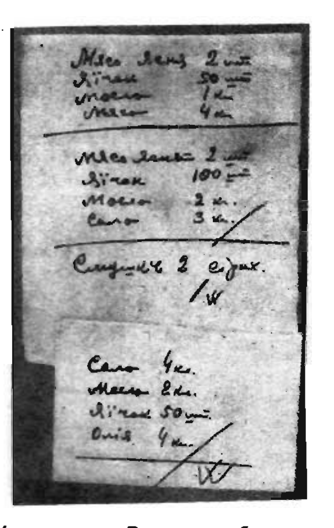


«Так про что это мы?..»

«В колхозе «Маяк коммунизма» крепкая парторганизация. Бессменным председателем правления работает опытный сельский вожак, ветеран колхозного движения Петр Михайлович Полтавец».

А. Мужицкий «Полтавщина расцветает», 1967 г., стр. 68.

А за полгода до выхода этой брошюры первого секретаря Полтавского обкома КП Украины тов. Мужицкого подполковник милиции тов. Федорцов, производя обыск в кладовой колхоза «Маяк коммунизма», обнаружил 196 записок. Забавнейшие записки! На смятых бумажках, газетных обрывках, без подписи... Вот, например, такие:



Кладовщик Ракович объяснил, что это лишь случайно сохранившаяся у иего часть записок, по которым он выдавал мясо, муку, яйца, мед и другие продукты разным лицам, приезжавшим в колхоз на «Волгах» и «газиках». А написаны эти записки рукою Петра Михайловича Полтавца. Того самого бессменного председателя. Ветерана.

Отпираться было бессмысленно, и Полтавец признал, что записки действительио написаны им. Но кто получал эти продукты, этого Петр Михайлович никак не желал вспоминать, хотя на многнх записках были инициалы получателей. Странным выпадением памяти застрадал и личный шофер председателя, который иеоднократно отвозил продукты по адресам областного центра.

Естественно, работники следствия неоднократно пытались выяснить истину. Полтавец терпеливо продолжал жаловаться на свою прохудившуюся память, но как-то не выдержал:

— Что хотите со мной делайте, хоть стреляйте, но я ни за что не скажу, кому розданы продукты.

«Хоть стреляйте» — это, конечно, сказано было для красоты. Какие уж там выстрелы! В разгар следствия Петра Михайловича избирают депутатом районного Совета. В типографии верстается уже знакомая читателю брошюра первого секретаря обкома партин. На асфальтовом шоссе, там, где поворот к колхозу «Маяк коммунизма», появляется громадный, писанный маслом поясиой портрет председателя. А областная газета «Зоря Полтавщины» не щадит страниц для прославления ветерана. И хотя на следствие не оказывают прямого нажима, вся эта разносторонняя кампания по прославлению Полтавца звучит как бы предостережеиием.

Надо понять и следователей. Ведь злополучные записки — это еще не все прегрешения бессменного председателя. Арестованные по обвинению в крупных хищениях руководители Великобагачанской заготконторы единодушно утверждают, что творили махинации по инициативе и под руководством Полтавца, которому и передавали вырученные деньги. Если учесть, что махинации заготконторы были связаны исключительно с колхозом «Маяк коммунизма», если учесть, что ни на один из четких вопросов Полтавец не мог дать более вразумительного ответа, чем «не помню», то станет до предела ясным пикантное положение следователей. Они, конечно, направили Великобагачанскому райисполкому обоснованное представление с просьбой отозвать Полтавца из депутатов, но, получив категорический отказ, вздохнули не без облегчения: и дело свое сделали и от опасных хлопот избавились.

Привлекать депутата Полтавца к уголовной ответственности было невозможно. Но записки-то — вот они, налицо! Чтобы замять дело, Полтавец раскошелился в конце концов на 4 932 рубля. Но имен так и не назвал. Лишь на прощание бросил следователю:

— Если бы я их назвал, то не был бы больше Полтавцом.

А Полтавцом он остался! Его попрежнему осыпают лаской и вниманием из обл- и райцентров, ставя в пример другим председателям и делегируя на самые представительные форумы.

Вот какие события предшествовали фельетону В. Надеина «Так про что это мы?..» («Крокодил» № 9). В нем показывалась та, мягко говоря, неправдоподобность, с какой все участники этой истории «забыли» фамилии, должности и адреса лиц, получавших из колхоза дармовые, но высококалорийные продукты. «Почему райком не потребовал,— спрашивалось в фельетоне,— чтобы Полтавец прямо, без увиливаний назвал фамилии вымогателей?»

Увы, этот вопрос так и повис в воздухе, несмотря на то, что редакция получила пространный ответ на фельетон от секретаря Полтавского обкома КП Украины тов. Якубова. Он сообщил, что обком рассмотрел материал в журнале и считает критику правильной.

«За злоупотребление служебным положением тов. Полтавец П. М. привлечен к строгой партийной ответственности: ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Пленум Великобагачанского райкома КП Украины 14 мая с. г. вывел его из состава бюро райкома партии».

И далее: «Принимая во внимание, что тов. Полтавец П. М. более 20 лет работает председателем данного колхоза, ущерб колхозу возместил полностью и наказан в партийном порядке, обком партии счел возможным ограничиться данными мерами».

Что ж, ограничиться так ограничиться. Но где ответ на основной вопрос фельетона? Потребовали ли у Полтавца, чтобы он прямо, без увиливаний назвал фамилии вымогателей?

Об этом тов. Якубов даже не обмолвился ни словом, и редакция была вынуждена вторично командировать корреспондента в Полтаву.

Поразительно, но факт: этого вопроса Полтавцу никто не задал. «А разве это нужно?» — удивился в беседе с корреспондентом тов. Якубов. «Мы, кажется, как-то объясняли это в своей справке»,— неуверенно сказала первый секретарь Великобагачанского райкома партии тов. Чуб.

Заглянем в справку: «Чрезмерная трата их (продуктов.— РЕД.) допускалась при приеме иностранных делегаций и для наемных лиц, работавших в колхозе на строительстве, благоустройстве и др».

Самое интересное в этой фразе — это, конечно, «и др.» Поскольку иностранцы и наемные лица с ходу отпадают. Во-первых, на их содержание официально выделялись деньги, о чем имеются документы в колхозной бухгалтерии. Во-вторых, сам Полтавец ничего подобного на следствии не говорил, эта идея пришла ему в голову с изрядным опозданием. И, в-третьих, если разделить количество продуктов, которые выданы по запискам (а сохранилась, вспомним, только часть их!), на членов делегаций и наемных лиц, то по самым либеральным подсчетам получится, что каждый из них съел по 14 кг муки (это без припека), 5 кг мяса, 4 кг сала, 2 кг сливочного масла, 2 кг меда, 0,7 кг гречневой крупы, 90 штук яиц... Не говоря уже о смушках, явно непригодных для угощения как иностранцев, так и наших соотечественников.

«И др.» — вот кто съел колхозные продукты на пять тысяч рублей. Судя по всему, это далеко не последние люди в полтавских краях, если председатель, терпя столь солидный моральный и материальный урон, не осмеливается их назвать. Очевидно, они и сегодня столь влиятельны, что могут превратить Полтавца в «не-Полтавца». И это — главное, что препятствует забвению данного дела. Вымогателям, любителям колхозной дармовщинки не место на ответственных постах!



СЦЕНКА В РАЙЦЕНТРЕ

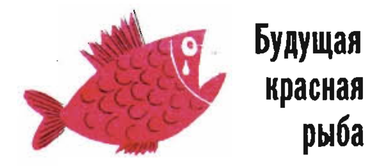
Рисунок А. КАНЕВСКОГО



— Понравилась, видать, наша живопись приемной комиссии — отличную оценку дали.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА





Будущая красная рыба

Итак, точка. Зашнурованы папки отклииов. Подведена черта фельетону А. Моралевича «Бывшая красная рыба» («Кронодил» № 29, 1969 г.).

МВД СССР провело по фельетону глубокую, большую работу, достойную соискания «Приза».

Прокуратура РСФСР также участвует в соисканин.

Понесли кару злостные браконьеры бассейна Каспия, а также инспектора рыбоохраны, замеченные в отсутствии моральных устоев. Ссориться с грабителями рыбных богатств инспекторам не хотелось. А чтобы была видимость упорной честной работы, инспектора сами ловили рыбу, сбывали, выписывалн штрафные нвитанции на не рожденных нигде в мире лиц и сами вносили штрафы за них. Это вскрыто.

Получено письмо за подписью заместителя председателя Совета Министров Чечено-Ингушской АССР тов. А. Слюсарева:

«Фельетон «Бывшая красная рыба» обсужден на заседании Президиума Совета Министров Чечено-Ингушской АССР с участием председателей райисполкомов и работииков Запкаспрыбвода... Факты незаконного и хищнического лова на территории республики имели место»...

Пришло письмо из Дагестана за подписью заместителя председателя Совета Министров тов. А. Коршунова: «Совет Министров признал недостатки, отмечаемые в фельетоне «Бывшая красная рыба».

Здесь также виновные понесли наказание. Начато следствие. Наказаны начальники Избербашского и Кизилюртовского райотделов республиканского МВД. «Советом Министров ДАССР утвержден план совместных мероприятий по усилению борьбы с браконьерством на территории республики, представленный МВД ДАССР, прокуратурой ДАССР, Верховным судом ДАССР и Управлением Запкаспрыбвод.

Пришло итоговое письмо за подписью начальника Главрыбвода Министерства рыбного хозяйства СССР тов. И. Никонорова: «Журнал правильно ставит вопрос...» Комиссия Главрыбвода выезжала на место, объединив усилия с МВД СССР. Словом, охрана водоемов усилена. Проведена чистка органов рыбоохраны от шатких элементов. Установлены контакты рыбной инспеиции с охотинспекцией. Увеличены штаты инспекторов. Придано в больших количествах оснащение: катера, мотоциклы, лодки, мощные подвесные моторы, радиостанции.

В силу изложенного есть основания полагать, что будущая красная рыба спокойно созревает в глубинах для массовых потребителей:

«По столбу на обещанье»

Есть в селе Ляки, Татарской АССР, клуб, но селяне боятся в него заходить. Он настольио ветх, что того и гляди потолок обвалится. Подсчитано, что число столбов, подпирающих потолок, точно соответствует количеству обещаний, которые давал председатель колхоза Ш. Саетгалиев отремонтировать клуб. Об этом рассказывалось в заметке «По столбу на обещанье» («Крокодил» № 13).

В своем письме в редакцию «Крокодила» председатель Сармановского райсовета тов. А. Валеев подтвердил точность фактов, указанных в заметке, и сообщил, что колхоз начал строительство нового Дома культуры на 200 мест. Открытие Дома культуры состоится в ноябре текущего года.



«Бич среди бичей»

В фельетоне с таким названием («Крокодил» № 19) Р. Киреев рассказал читателям о том, как он был «бичом» в городе Самарканде. Бичами называют людей без определенных занятий, живущих на случайные заработки. Оказывается, в Самарканде бичи нашли раздолье: в центре города даже существует особая негласная биржа, где желающие нанимают бичей на различные временные работы — ремонт дома, сарая, курятника, рытье арыка, перевозку и переноску грузов. Как ни странно, услугами бичей пользуются не только частные лица, но и некоторые организации. Может быть, потому, что существующая в Самарканде контора по строительству и ремонту не оправдывает своего назначения?..

Как сообщил редакции секретарь Самариандского горкома КП Узбекистана тов. М. Хаитов, факты, указанные в фельетоне, полностью подтвердились. Материалы фельетона обсуждались на бюро горкома партии. За серьезные недостатки в организации борьбы с бродяжничеством и лицами, ведущими паразитический образ жизни, на начальника городского отдела внутренних дел тов. Ишанкулова, начальника линейного отдела милиции ст. Самарканда тов. Ложнииова и начальника 3-го отделения милиции тов. Султанова наложеиы партийные взыскания. Решением иоллегии УВД начальиик спецприемника тов. Ярбеков освобожден от работы.

Исполкому горсовета депутатов трудящихся поручено рассмотреть вопрос об улучшении работы городского ремонтно-строительного участка.



Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

НЕПРИЛИЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Л. ЛИХОДЕЕВ

Началось с лести:

— Слушайте, напишите фельетон о туалетах. Это же — святое дело! Помните, Маяковский с гордостью заявил, что он-де ассенизатор и водовоз?..

Я сказал:

— Не льстите мне, я не ассенизатор. То есть, я хочу сказать, не водовоз. И потом, что я могу сказать об этой туманной материи? Как-то даже разговаривать на эту тему не принято. Как-то неловко. Как будто люди все, как один, закончили исключительно бывший Смольный институт благородных девиц и, будучи барышнями, страшно краснеют от таких ужасных факторов, как тот, который вы изволили затронуть. К тому же с литературой по этому вопросу туго. Прямо не знаю, где черпать материал...

Редактор говорит:

— Это вы оставьте!.. По этому вопросу где ни черпнешь, в обиде не останешься. А что касается литературы, так в ней тоже имеются отдельные доказательства в данном разрезе. Скажем, герой прошел в луга или при дороге устроился. А иные авторы даже воспевают подобное сближение с природными условиями. Почему-то им это очень нравится...

— Ну,— говорю,— это дело жанра. О вкусах не спорят в данном случае. Тем более авторы стремятся воспевать жизнь как таковую. Если герой оказался при дороге, так, наверно, это дорога не простая, а столбовая. Опять же, если его в луга понесло, так, вероятно, в широкие, бескрайние луга, согласно раздолью души.

Редактор возмущается:

— Это потому, что он свинья!

— Здрасьте,— говорю,— пожалуйста! Это вы напрасно. Упомянутое существо,— говорю,— не такое уж вольнолюбивое создание, чтобы себя не уважать. Мне,— говорю,— один знакомый зоотехник рассказывал, что фауна в этом отношении поотстала от человека разумного. Она свое место знает. Так что вы напрасно. Человек, конечно, превзошел весь растительный и животный мир согласно эволюции. У него,— говорю,— душа есть. А душа требует гордого орлиного состояния. Чтобы человек был постоянно как бы выше природы.

Редактор говорит:

— Вы насчет «выше природы» не напирайте. Вы постарайтесь вставить человека обратно в природные рамки. Чтобы он не возносился над обстоятельствами, а соображал, в каком месте какое действие совершает. Вы узнайте, сколько у нас этих самых — стыдно сказать — на душу населения приходится, и покритикуйте соответствующие департаменты за их малочисленность.

— Чью,— говорю,— малочисленность? Департаментов или апартаментов? И потом,— говорю,— эти предметы нельзя на душу считать. Душа их не приемлет. Про душу мы уже с вами беседовали. Душе простор нужен, а вы ее норовите в кафельный чулан запихнуть...

Редактор говорит:

— Я на вас удивляюсь! Что же вам, противно, если человек проведет часть времени на основании науки и техники?

— Нет,— говорю,— пожалуйста. Могу позвонить и узнать.

И позвонил.

В один департамент позвонил, в другой. В одном городе, в другом...

— Сколько,— говорю,— у нас имеется посадочных мест по данному вопросу?

— А вам зачем?

— Вы что же,— говорю,— не знаете, зачем?

— Мы,— говорят,— этих сведений дать не можем.

— Государственная тайна?

— Тайна не тайна, а вопрос странный... Неужели вам не стыдно задавать такие вопросы? Вы невоспитанный человек!

Я говорю:

— Спасибо за моральные указания. Никакие вопросы задавать не стыдно. Бывает стыдно выслушивать ответы. Стыдно,— говорю,— горного орла из себя корчить, когда уже коровы пользуются канализацией.

— Что вы равняете! То несознательная корова, а то сознательный человек! Тоже сравнили!

И положил трубку.

Черт его знает, может быть, он и прав? Может, природа человека настолько изменилась под влиянием благоприятной среды, что тяга к указанному предмету есть не что иное, как пережиток? Может, человеку ввиду его великих задач уже не до бывших страстей?

Наверно, прав.

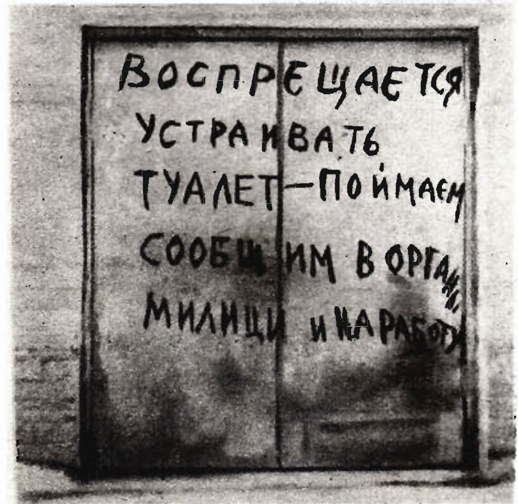
В одном поселке соорудили клуб. Весь поселок можно охватить кружковой работой этого клуба. А эти самые — стыдно сказать — не учли. Неудобно как-то перед лицом такого размаха строить мелкие кафельные чуланы. Ну подумайте сами, как их строить? Как ставить задачу? «До конца срока строительства клуба осталось 12 дней!» Хорошо? Прекрасно звучит! «До конца срока строительства этого самого — стыдно сказать — осталось 12 дней!» Что? Да кто вам позволит?! Это же неприлично! Не менять же в самом деле из-за этой блажи методы строительства!

У нас, конечно, что ни профессия, то романтика трудового подвига, никак не меньше. А ассенизатор-канализатор — какая же это романтика? Как же их созидать-то, эти самые, стыдно сказать? Как-то совестно их созидать: не домны все-таки. Да и гордость от такого созидания уже не та. Ни тебе переходящего вымпела не схлопочешь, ни выговора. Какая же тут романтика?

Между тем натура — она себя оказывает. Движимые всемерно поощряемой страстью, бродят по памятникам древнего зодчества толпы экскурсантов. Но в памятниках этого самого, стыдно сказать, нету. В старину считалось — не к чему, а потом тоже не учли. Или учли, да капвложений не освоили. И теперь этим самым, стыдно сказать, служат сами памятники древнего зодчества.

Впрочем, и новейшему градостроительству хвалиться особо нечем. Наоборот, колоссальный размах новых районов настоятельно требует от посетителей лишь большей скорости передвижения. Будь ты хоть дряхлым старцем, а застучит — побежишь!

Тут я недавно сам в стесненные обстоятельства попал. В командировке. Так и так, говорю, поскольку я еще не освоился со свободой во всей ее полноте, не укажете ли мне такую обитель, ибо в вашей местности я такого угла не видал...



Надпись на двери запасного выхода драмтеатра в гор. Грозном.

Ну, мне, конечно, как представителю передовой мысли ключик дают. Я, когда ключик возвращал, спрашиваю:

— Как же у вас остальные трудящиеся? Или, может быть, они еще не такие передовые, как мы с вами?

— Что же,— отвечают,— мы себе ключика не заслужили?

— Конечно,— говорю,— заслужили! Об этом и разговора нет! Вы не то еще заслужили! Но скажите, что должен совершить на этой планете человек, какие подвиги, какие неслыханные дела, чтобы заслужить священное право на кафельный чулан? Что он должен сделать для этого? Стибрить огонь на Олимпе? Забить гол сборной Бразилии? Что?!

— Повесьте,— говорят,— ключик на этот гвоздик. Все вас тянет на неприличные темы. Будто передовых тем нету. Вот мы сад посадили, стадион построили, свинарник механизировали, телятник электрифицировали... А вам бы все не туда глядеть. Нет, мало вас критикуют за незнание жизни! Как же вы не понимаете? То — индустриализация, электрификация, химизация и культивация! А то — канализация и ассенизация! Тоже сравнили! То — для народа в целом, а то — для каких-то отдельных лиц!

— Да не для лиц,— говорю,— не для лиц!

— Тем более,— отвечают,— нашли, что выпячивать. Неприлично! Это же нас засмеют, если мы начнем всерьез этими самыми — стыдно сказать — заниматься!

— А как же,— говорю,— санитария и гигиена?

— План по санитарии и гигиене мы перевыполнили раньше срока! Чудной вы представитель, ей-богу! Ему ключик как порядочному дают, а он вместо «спасибо» демагогию распускает...

А может быть, действительно неприлично?

Нет, не стану я писать этот фельетон, заколись он...

Я позвонил редактору и отказался. Мол, я не ассенизатор и не водовоз, мол, задание не по специальности, найдите, мол, специалиста и так далее.

Редактор выслушал и сказал:

— Вообще-то правильно... Мы тут посоветовались и решили... Действительно не нужно... Знаете, дети прочтут, женщины, заинтересованные органы... Не надо заострять внимание населения иа отдельных природных явлениях... Неприлично...

Так я и не написал этот фельетон.

И слава богу.

Действительно неприлично.

Стыдно, крайне стыдно говорить на эту тему в наше время!..

ОТ РЕДАКЦИИ. Как справедливо отметил фельетонист, ратовать за это самое как-то неловко. Не за то привыкли мы ратовать! И, наверно, мы не стали бы затрагивать этой непривычной для публицистики темы, если бы положение с этими самыми не было столь нетерпимым, о чем свидетельствует редакционная почта. Но и авторы писем в «Крокодил», следуя установившейся традиции, прибегают к эзоповскому языку. Одно из таких писем мы публикуем ниже.

Дорогой Крокодил!

Около года тому назад в дополиение к имеющемуся кафе-ресторану «Уча» вблизи платформы Мамонтовская построили пивную под названием «Шашлычная». А недалеко от платформы, напротив шашлычной, располагалось это самое, и его, понятно, разломали. Конечно, это самое — не коммерческое заведение, с ним церемониться нечего, но пассажирам оно крайне необходимо.

Обратились по этому вопросу в соответствующие организации, завязалась оживленная переписка. Мы пишем, нам отвечают, а этого самого нет, и пассажиры бедствуют. К тому же скоро год, как закрыли эти самые на Ярославском вокзале. Была надпись «Закрыто на ремонт», и указывались адреса ближайших этих самых в г. Москве, а теперь и надпись сняли. Что за такая напасть у железнодорожников на эти самые? А нак пассажиру без них обходиться? В поезде едешь около часа, а приедешь — беги куда успеешь.

В официальных письмах все изложено обстоятельно. Но какое дело пассажиру, кто перед кем ходатайствовал об упразднении этого самого при платформе Мамонтовская? Идет тяжба между Пушкинским горсоветом и Московской железной дорогой, а места для этого самого так иайти и не могут, иапиталовложения на него не осваиваются.

В. Я.

(Подписываться полностью в данном случае, наверно, неприлично.)

ст. Мамонтовская.

Борис ЛАСКИН — Рассказ

ОДНО СПАСЕНИЕ

Там, где я работал, я уже больше не работаю. По какой причине — сами поймете. Так что я могу изложить вам всю эту историю.

Я не буду начинать сначала, я лучше расскажу с конца.

В понедельник утром я поднялся в приемную начальника главного управления и сказал секретарше:

— Здравствуйте. Мне бы хотелось побеседовать с Иваном Александровичем по личному вопросу.

— Простите, а как доложить?

Я немножко подумал и сказал:

— Доложите, что его хочет видеть человек, который только благодаря ему вообще способен сегодня и видеть, и слышать, и дышать.

Секретарша, конечно, удивилась:

— Может быть, вы назовете свою фамилию?

— Это не обязательно,— сказал я.— Как только я перешагну порог кабинета, он тут же все поймет.

Секретарша вошла к начальнику и закрыла за собой дверь. Ее долго не было. Наконец она вернулась. С большим интересом посмотрев на меня, она сказала:

— Пожалуйста.

Мы поздоровались, и начальник указал на кресло:

— Прошу.

Я сел в кресло и сразу же заметил, что начальник тоже смотрит на меня с большим интересом. В т е х условиях он, безусловно, не мог меня так внимательно разглядеть. Т о г д а он был занят другим: он спасал мне жизнь.

Я сидел в кресле и специально некоторое время молчал, чтобы начальник почувствовал, что волнение мешает мне начать разговор. Но потом, когда пауза немножко затянулась, я развел руками и сказал:

— Человек так устроен, что он никогда не может угадать, где его подстерегает опасность...

— Это правильно,— сказал начальник.

— Все, что я в эту субботу испытал, вам хорошо известно. Я уже говорил, вы это слышали...

— Знаю, вы это говорили, но я этого не слышал,— сказал начальник.— Расскажите, что же с вами случилось!

«Скромность и жажда славы иногда живут рядом. С одной стороны, вы как бы не хотите преувеличивать значения своего благородного поступка, а с другой стороны, вам приятно еще раз окунуться в детали происшествия, где так красиво проявилось ваше мужество и готовность прийти на помощь ближнему. Я все это прекрасно понимаю и могу вам напомнить, что случилось в субботу».

Фразу, которую вы сейчас услышали, я в кабинете не произнес. Я только так подумал. А сказал я совсем другие слова:

— Вы хотите знать, что со мной случилось?.. Я расскажу. В субботу мы с одним товарищем отправились за город. Погуляли, подышали свежим воздухом и пришли на пруд. И здесь лично у меня появилось желание покататься на лодке. Выехал я на середину пруда, потом повернул к берегу. Плавать я не умею, так что решил зря не рисковать. А если, думаю, лодка перевернется, что со мной будет? Погибну. Кругом ни души... И тут я вижу: сидит на берегу человек с удочкой. Помню, я посмотрел на него — на этого отныне дорогого и близкого мне человека — и подумал: если что случится, он сразу же бросит свою удочку и окажет мне скорую помощь...

— И что же было дальше?

«Иван Александрович, я вижу вас насквозь. По тому, как вы меня слушаете, я понимаю, что вам охота лишний раз услышать о том, какой вы благородный и хороший!»

Эту фразу я тоже произнес мысленно, а вслух я сказал:

— А дальше было вот что. Я как-то неловко повернулся, лодка опрокинулась, и я оказался в воде...

— Кошмар!

— Вы знаете, бывают моменты смертельной опасности, когда перед вами в несколько секунд проходит вся жизнь: детство, юношество, учеба в школе и в техникуме, упорная работа на разных участках и в основном последний период работы в системе нашего главного управления... Так вот, именно это все как раз и промелькнуло в моем сознании, пока я шел на дно и уже прощался с жизнью.

— Тяжелый случай.

— Да. Но, к счастью, все обошлось. Мне повезло, что поблизости оказался настоящий советский человек, который пришел мне на помощь.

— В общем, отделались легким испугом,— сказал начальник, и глаза его весело сверкнули.— Обошлись без потерь?

— Да так, кое-какая мелочь утонула: часы, зажигалка. Стоит ли говорить?

— Конечно, это мелочь. Но вы не огорчайтесь. Я надеюсь, что и часы ваши найдутся и зажигалка...

— Вы так думаете?

— Уверен,— сказал начальник и посмотрел на меня долгим взглядом.— Для этого даже не придется беспокоить водолазов.

— Вы полагаете, для этой цели стоит понырять? — спросил я.

— Стоит,— сказал начальник.— Нырните в карман тому товарищу, которому вы сказали на берегу: «Держи мои часы и газовую зажигалку. Когда он меня из воды вытащит, отдашь».

Я вынул сигарету «Ява» и закурил.

«Я тогда не только про часы и зажигалку. Я еще кое-что сказал на берегу. Я сказал: «Если меня спасет лично сам начальник главного управления, об этом узнают все, включая министра, а уж после этого я буду в полном порядке, как говорится, на виду у всей общественности».

Эту фразу я, конечно, в кабинете не произнес. Я только курил и мысленно повторял те мои слова и при этом думал и гадал, откуда ему все известно.

А начальник тоже закурил и опять посмотрел на меня.

Тогда я сказал:

— Кто же вас так проинформировал?

— Никто. Я это слышал сам.

Я говорю:

— Вы меня извините, но сами вы это никак слышать не могли.

— Почему?

— Потому что лично вы с удочкой сидели в отдалении.

— Это вам показалось. Не сидел я с удочкой в отдалении. Я лежал поблизости за кустиком и собирался уж было задремать, вдруг слышу — обо мне разговор идет...

Рассказывает мне это начальник, и я вспоминаю: действительно лежал там на травке какой-то гражданин в тренировочном костюме, вроде бы спал, лицо локтем закрыл от солнца. Я еще подумал: а вдруг он из нашего главка, услышит, а потом всем раззвонит...

Я говорю начальнику:

— Прошу понять меня правильно. Я и теперь трезвый и в субботу капли в рот не взял. Как я сейчас вас ясно вижу, так я и в субботу видел с удочкой.

— Не было этого.

— То есть как не было, когда я вас видел своими глазами?

— Своими глазами вы видели моего родного брата Игоря. Он обожает рыбалку. А работает он директором цирка. Мы здорово похожи друг на друга. Нас даже мать родная часто путает... Так что вытащил вас не я, а Игорь, и свои слова благодарности адресуйте ему.

Дело прошлое: здесь я полностью растерялся.

Я встал и сказал:

— Теперь мне все ясно. Пойду в цирк.

Начальник тоже встал:

— Не буду вас задерживать.

Эту последнюю свою фразу он произнес не мысленно. Он сказал ее вслух.

ПОД УГЛОМ 40°

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный
корреспондент Крокодила

ЛЮБОВЬ САН САНЫЧА

В следующий вторник исполнится ровно месяц, как я познакомился с Сан Санычем. В Горьком это произошло, куда меня командировали. Вместе мы стояли в длинной очереди за помидорами. И, помнится, оживленно беседовали на темы городской торговли. Потом поехали в трамвае.

— Справа от нас завод крупнопанельного домостроения,— показал Сан Саныч, когда мы сошли с трамвая.— Здесь работает формовщиком Колюха Сметанин, мой закадычный дружок.

— Позвоним ему из проходной? — спросил я.

— Думаю, такой необходимости нет,— ответил Сан Саныч.— Вряд ли Колюха на рабочем месте.

— А где же он? — удивился я.

— Там же, где многие его коллеги. В павильоне № 1 от магазина № 32.

В пяти минутах ходьбы от проходной нашему взору предстало почерневшее от времени деревянное строение. Под гигантской вывеской «Пивной ларек» расположился плакат «Приглашаем на работу». Вполне трезвый плакатный монтажник звал на стройки Сибири и Дальнего Востока.

Войти в павильон не удалось: люди в спецовках и без заполонили его.

— Коль, а Коль! — позвал Сан Саныч.

Из двери вывалился Колюха. Пахнуло портвейном «Розовый» по 2 рубля 10 копеек за литр.

— Балдеем? — праздно поинтересовался Сан Саныч.

— С восьми до двадцати, без выходных дней,— кивнул Колюха.

— Когда же вы работаете? — не понял я.

— В санитарные дни — раз,— загнул палец Колюха.— После двадцати часов — два. А вообще-то я уволенный по 47-й статье КЗОТа. Трижды. Восстанавливали по просьбе коллектива цеха. Спасибо горпищеторгу за удачное расположение питейной точки. А то чуть было не перевоспитали.

И он вернулся к источнику, струящему дешевый портвейн.

— Теперь к другому Колюхе, к Померанцеву,— сказал Сан Саныч.— Он трудится слесарем в третьем троллейбусном депо.

Этого Колюху мы обнаружили в столовой № 23, неподалеку от депо. Время было обеденное. При столовой бойко функционировал буфет. Вина различных марок беспрепятственно перекочевывали в обедавших ремонтников.

— За что пьем? — опять-таки праздно поинтересовался Сан Саныч у Колюхи Померанцева.

— За высокое качество ремонтных работ! — провозгласил Колюха. — За горпищеторг, который позволяет распивать спиртные напитки в столовой в обеденный перерыв! И не из-под полы, а совершенно открыто, не озираясь.

— Вот мнение рядового пьющего труженика! — победно произнес Сан Саныч.— Вам и этого мало? Проследуем далее на автозавод.

На автозаводе нас ожидал полнейший сервис. Буквально в нескольких шагах от проходных шестого литейного цеха и третьего парка автоцеха популяризировал алкоголь киоск № 16 от столовой № 45. Легально звенели пивные кружки, нелегально, с тыльной стороны киоска,— стаканы.

Дружки Сан Саныча, электромонтер литейного Меньшавин и шофер третьего парка Афонин, провозглашали здравицу в честь руководителей городской торговли.

— Содвинем стаканы за непобедимых хозяев этого желанного заведения,— лепетал электромонтер, ласково поглаживая покосившийся киоск.

— Содвинем бутылки,—поправил его шофер, сосавший дурманящее зелье непосредственно из горлышка.— Виват славному горпищеторгу, который отстоял киоск в борьбе с непьющими руководителями производства!

— Так на него, значит, покушались? — дрогнувшим голосом спросил Сан Саныч.

— И не однажды,— подтвердил монтер.— То бульдозером киоск подденут, то свет отключат. А то бумагу строчат в исполком, в милицию, в управление торговли. Но нет! Торговля твердо блюдет интересы любителей промочить глотку!

— Вы все слышали,— сказал Сан Саныч.— Но если вы не удовлетворены, проследуем далее.

В сотне метров от киоска № 16 высился ларек № 3 От той же столовой № 45. Это форпост алкоголепотребителей двух других предприятий: завода железобетонных конструкций и завода отделочных полуфабрикатов и изделий.

— Не вижу Ванятки Фролова, а также Лешки Баринова,— затревожился Сан Саныч, приглядевшись к очереди около ларька.— Уж не прокатили ли их по 47-й? Зайдем, полюбопытствуем.

Ванятка Фролов, формовщик завода железобетонных конструкций, временно сменил рабочее место. Его, нетрезвого, извлекла из цеха милиция за попытку расправиться с бригадиром. И на пятнадцать суток лишила приятного общения с ларьком.

Лешку Баринова, шофера второго завода, мы застали в кабине грузовика. Пахло пивным ларьком. Он спал, склонив голову на руль.

Мы сели в трамвай. Когда водитель объявил остановку «Завод «Двигатель», Сан Саныч встрепенулся:

— Культурнейший ларек приписан к «Двигателю». От магазина № 10. По бокам для обдувания деревянные решетки. А внутри интеллигентные надписи, советующие окурки класть куда следует и не «уводить» кружки и стаканы.

— И там у вас дружки? — спросил я.

— На «Двигателе» я сам работал. Стаканы и кружки всегда возвращал. И не сорил окурками. А подкузьмил меня забор. Длинный оказался: проходная на одном конце, а ларек — на другом. Не осилил всю дистанцию, упал посередке. За что и уволили.

— А где вы сейчас работаете? — поинтересовался я у Сан Саныча на прощание.

— Пока нигде! Подыскиваю место поалкогольнее. Чтоб питейная точка была у самой проходной. Чтоб торговали и в ночную смену. Чтоб ассортимент был побогаче.

— Найдете? — спросил я.

— Найду! — уверенно ответил Сан Саныч.

г. Горький

В ВЫТРЕЗВИТЕЛЕ

— Алло, предки! Я тут обмываю первую получку!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

МИМОХОДОМ

И сахар познает горькую действительность, когда становится самогоном.

Молочные зубы у него как-то незаметно сменились на пиво-водочные.

Транспарант у входа в вытрезвитель: «Отчизны скверные сыны».

Самые опьяняющие характеристики пишутся чернилами с коньяком.

Все пьяницы метят не в бровь, а в грязь.

А. ЛИГОВ

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Виночерпий

это выражение родилось в те далекие времена, когда за праздничным столом вино разливал человек, обладающий точным глазомером. В наши дни его с успехом заменяет автомат «Вина — соки».

Колобродить

бродить около винного магазина в поисках собутыльника.

В чужом пиру похмелье

это образное высказывание рождено существовавшим еще в Древней Руси обычаем пировать на банкетах за счет княжеской казны.

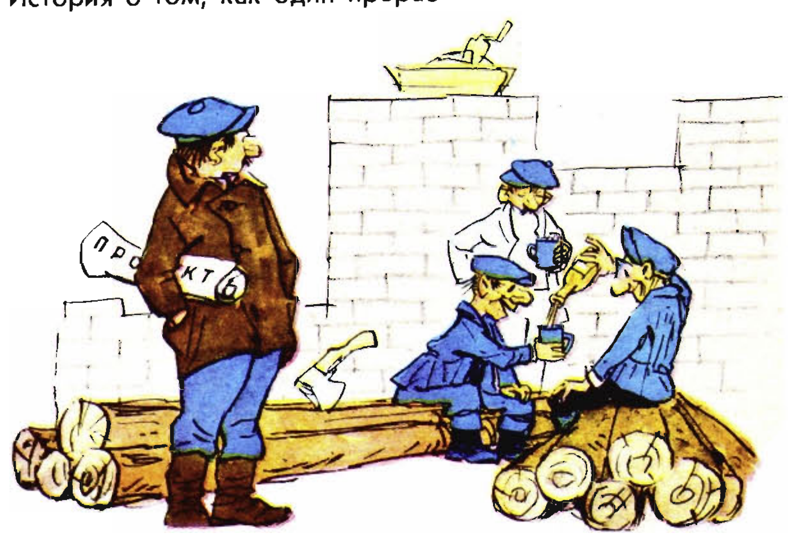
Святая троица!

воскликнул гостиничный администратор при виде трех командированных, оказавшихся в одном номере и занимавшихся исключительно чаепитием.

Море по колено

первоначально просто короткая депеша капитана, который под влиянием рома сообщал, что море, где находилось его судно, внезапно обмелело.

История о том, как один прораб



терпел...



терпел...



и не вытерпел!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

И. ЗЕНОВ

ОБМЫЛ!

Один зубок
прорезался у дочки.
— Обмыть! —
решил отец.—
Он ей к лицу.

И при обмывке
этого зубочка
Порвали гости
матери сорочку,
Четыре зуба
выбили отцу!

Бабкен КАРАПЕТЯН

ЮБИЛЕЙ

Дорогой наш Сагател,
Сколько ты нам задал дел!
Все в долгу перед тобой,
Все бегут к тебе гурьбой,
Озабочен млад и стар —
Ты почетный юбиляр!
Благодарны мы судьбе,
Туш — великому тебе!

...Учреждение шумит,
Ныне каждый деловит,
Мчатся люди вверх и вниз...
— Купим вазу!
— Нет, сервиз!
— Покупали
в прошлый раз —
Не позвал ни вас,
ни нас!..
— Лично я куплю цветы.
— Сразу видно: скряга ты!

...Заседают за замком
Зам, помзам и помзампом,
Просто пом и замначснаб...
Ну, короче, целый штаб.
— Нужен адрес. Это раз.
Пусть напишет сам Шираз,
Пусть украсит юбилей
Золотой строкой своей!
— И подарок. Это два.
Да такой, чтоб шла молва!..

Помзампом на стол залез:
— Есть резон
купить отрез!
Пом кричит:
— Позвольте мне!
Вы забыли о жене!
Что отрез! Отрез смешон!
Есть резон купить кулон!..
Отказавшись наотрез
Даже думать про отрез,
Зам качает головой,
От досады сам не свой:
— Я напомнить вам хотел:
Дочь имеет Сагател.
Уловили, в чем секрет?
Дочь-то есть, рояля нет!
Не жалей на юбилей
Даже тысячи рублей!
К юбилею будешь глух —
Поползет змеею слух,
И тогда —
прощай, мечты! —
Превратишься в муху ты!

...Гнутся ножки у столов,
Хороши шашлык и плов,
Блещут звезды коньяка,
Льется винная река,
Льются речи заодно,
Как игристое вино,
Льется бочками елей.
Что за чудо-юбилей!
— Сагател наш Поладян,
Ты на счастье людям дан!
Пусть твои продлятся дни!
(Лишь подарки оцени.)

...Во дворе —
машины в ряд.
А в машинах —
целый клад:
Пять ковров
и семь гравюр,
Лучший
спальный гарнитур,
Холодильник и рояль...
(Перечислишь все едва ль.)
Сколько вложено рублей
В этот славный юбилей!

* * *

Ах, коварный Сагател,
Сколько ты нам задал дел!
Нас зарезал без ножа,
Изболелась вся душа!
Отчего ты, Сагател,
С важной должности
слетел!
Ах, пропали без следа
Все подарки навсегда!

Перевел с армянского
Мих. РАСКАТОВ.



БЕРЛИНГТАУН (США). На состоявшихся здесь соревнованиях на титул чемпиона мира по части лжи победу одержал некто Хьюлетт. В силу статуса «союза лжецов» победитель обязан носить всегда на груди полученную им медаль, на которой выгравировано: «Я лгу, не краснея». Мистер Хьюлетт просил в порядке исключения разрешить ему не пристегивать медаль во время выполнения им своих служебных обязанностей. Дело в том, что он является проповедником методистской церкви.

* * *

НЬЮ-ЙОРК. Изо дня в день более двух тысяч человек терпеливо стоят в длинной очереди, выстраивающейся перед зданием Эмпайр Стейт Билдниг, в одном из помещений которого расположилась контора «Астрофлеш», где за пять долларов любой может получить свой гороскоп и предсказание на ближайшие полгода. Клиент сообщает дату, место рождения и некоторые другие данные, а через несколько минут электронная машина выдает ему документ, в котором дается «психологический портрет клиента» и всякого рода предсказания.

* * *

ТЕЛЬ-АВИВ. Генерал-майор израильской армии Ариель Шарон, специализировавшийся на репрессивных действиях против арабских партизан, в беседе с представителями израильской печати заявил: «Если я потребую от моих солдат следовать за мной в Каир, то они беспрекословно выполнят мой приказ. Если я прикажу им взять штурмом здание парламента в Иерусалиме, то все они начнут смеяться». Присутствовавший при этой беседе представитель правительства сказал: «Генералам армии Израиля нет никакой необходимости штурмовать парламент. Они уже держат в своих руках наше правительство и фактически располагают всей полнотой власти в стране».

ПАРИЖ. «Сломайте себе шею!» — такая надпись была намалевана огромными буквами на плоской крыше одного из зданий, расположенных поблизости от аэропорта Орли около Парижа. Таким путем владелец земельного участка выразил свой протест против создания аэропорта рядом со своими владениями.

* * *

ЛОНДОН. При игорном доме в Бирмингаме (Англия) учреждена должность капеллана, на которую назначен викарий Стефан Бек. Он регулярно посещает свой новый приход, проводя беседы с обслуживающим персоналом и посетителями. О своем назначении он заявил следующее: «Я не могу согласиться с тем мнением, будто игорные дома — дурные заведения. Их посещает множество людей, и долг церкви — проводить работу также среди них».

МОНОПОЛИОЗАВРЫ

НА ЧУЖИЕ БЕРЕГА...

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Чинуа АЧЕБЕ (Нигерия)

ИЗБИРАТЕЛЬ

На прошлых выборах вся деревня Умуофия единодушно голосовала за Партию народного альянса и ее председателя, досточтимого вождя Маркуса Ибе, занимавшего пост министра культуры.

За какие-то пять лет на глазах у изумленных жителей Маркус Ибе из захудалого учителя миссионерской школы превратился в досточтимого вождя, разбогател, нахватал кучу дипломов и степеней, купил два автомобиля, отгрохал дом, равного которому не сыщешь во всей округе. И все благодаря тем невзрачным листочкам, которые опустили жители в ящичек Маркуса пять лет назад. Но на сей раз они не дадут себя провести и возьмут за эти листочки хорошую цену!

Руф, энергичный малый, преданный министру душой и телом, был одним из организаторов предвыборной кампании. Он прекрасно разбирался во всех политических тонкостях и всегда знал, что у избирателей на уме. Дошлый Руф шепнул министру, что в этот раз избиратели не собираются дарить ему свои голоса за здорово живешь...

Досточтимый вождь был к этому готов. Он выдал сам себе жалованье за пять месяцев вперед, поменял банкноты на сверкающие монетки и снабдил своих подручных мешочками, туго набитыми серебром. Днем Маркус выступал на собраниях, а вечерами его люди о чем-то шептались с деревенскими старейшинами.

— Сын нашей земли — министр! Какая честь для нас! — твердил Руф старейшинам, пришедшим в дом Огбуефи Эзеквы, человека знатного и влиятельного.— Вы не задумывались, за что нам такая радость? Я открою секрет. ПНА нас любит. Нам даже обещали водопровод...

Тускло светила старая керосиновая лампа с треснувшим стеклом. Старейшины сидели на низких стульях, перед каждым на полу лежало по две монетки. На небе всходила круглая бесстрастная луна.

— Ты совершенно прав,— молвил Огбуефи Эзеква.— Маркус получит наши листочки. Но предлагать нам всего два шиллинга за голос — настоящее свинство!

Он подвинул лампу поближе, поднес ее к монеткам, словно не желая верить своим глазам.

— Два шиллинга! Позор! Если бы Маркус, не дай бог, был бедняком, я первый призвал бы голосовать за него бесплатно. Но Маркус — большой человек, от него люди ждут великих поступков. Мы не клянчили у него денег вчера, не попросим и завтра. Но сегодня наш день. Раз уж мы забрались на дерево икоро, было бы глупо не наломать сучьев вдосталь.

Руф в душе соглашался со старейшинами. Сам он тоже торопился погреть руки. В прошлое воскресенье он получил в подарок от Маркуса почти новенький пиджак, вождь каждый день угощал его пивом. Словом, молодой человек прекрасно знал, о каких сучьях идет речь.

— Ол райт,— сказал он по-английски,— не будем спорить о пустяках! — Вынув из-под широкой абады мешочек, он добавил каждому по монетке. Старейшины по-прежнему неодобрительно качали головами. Пришлось еще раз пройтись по кругу.



— Все, у меня нет больше ни гроша!— отрезал Руф.— Не нравится — можете отдать свои голоса врагу!

Старейшины смекнули, что пора идти на попятный. Они подобрали монеты и проворчали, что ладно, так уж и быть, Маркус получит их голоса.

Врагом, которого упомянул Руф, была Партия народной организации, или ПНО, во главе с Мадуной. Люди из ПНО наняли автомашины с громкоговорителями и сумели поднять большой шум в округе.

— У нас никто не будет голосовать за этих горлопанов и голодранцев из ПНО! У нас дураков нет! — разорялся Руф на всех углах.

Но однажды ночью к нему пожаловали неожиданные гости, и с той самой минуты он утратил душевное равновесие. Это были активисты ПНО. Гости без лишних слов перешли к делу. Один из них достал из кармана пятифунтовую купюру и положил ее к ногам Руфа.

— Нам нужен твой голос!

Руф вскочил, как ужаленный, подбежал к двери, тщательно ее затворил и только потом вернулся на прежнее место. Красная бумажка на полу приковала его взор.

— Вы же знаете,— наконец пролепетал он,— я работаю на Маркуса. Будет очень нехорошо...

— В кабине ты будешь один. Маркус никогда не узнает. Нам некогда — решай скорей!

— Ну ладно, ол райт! — вздохнул Руф.

Первый агитатор подал знак второму, и тот поставил на стол какой-то предмет, завернутый в красную материю. Когда сверток развязали, Руф увидел глиняное изваяние, утыканное перьями.

— Это бог Ийи, он не прощает обмана. Клянись, что проголосуешь за Мадуну!

При виде божка сердце у Руфа ушло в пятки, и он тут же принял решение. Победа Маркуса обеспечена, один голос ничего не изменит.

— Клянусь Ийи, что отдам свой голос Мадуне!.. Но все равно у вашего кандидата нет никаких шансов.

— Лиха беда — начало. Когда народ узнает, что Мадуна платит фунтами, а не шиллингами, все побегут за него голосовать.

И вот пришел долгожданный день. Пахнущие краской плакаты украшали стены, свисали с деревьев и телеграфных столбов, взывая к тем, кто умел читать: «Голосуйте за ПНА!», «Голосуйте за ПНО!»

Досточтимый вождь Маркус не ударил в грязь лицом. Он нанял самый знаменитый оркестр и приказал музыкантам играть весь день. Избиратели пускались в пляс еще на дальних подступах к участку. Сам Маркус сидел в громадном зеленом лимузине, улыбался и любезно раскланивался с прохожими. Люди пожимали ему руку и заранее поздравляли с победой.

Тем временем Руф и его дружки шныряли в толпе, давая последние наставления избирателям.

— Не забудьте,— втолковывал Руф группе женщин, не умевших читать,— знак нашей партии — автомобиль.

— Вроде того, в котором сидит вождь Маркус? — спросила одна из них и громко рассмеялась.

— Спасибо, мамаша, я вижу, вы меня правильно поняли. Опустите листочки в коробку, где нарисован автомобиль. Рядом будет еще одна коробка, на ней намалевана голова мужчины. Лучше и не смотрите в ее сторону. Она для тех, у кого с головой не все в порядке.

Шутка вызвала новый взрыв веселья. Руф посмотрел в сторону лимузина и поймал довольную улыбку досточтимого вождя.

— Голосуйте за Маркуса! — завопил он с удвоенной энергией. На шее выступили вены.— Голосуйте за автомобиль — сами будете на нем ездить!

— Не мы, так наши дети! — поддержала его та же острая на язык женщина.

Оркестр немедленно заиграл песенку «Зачем ходить пешком, когда можно ездить».

Внешне Маркус являл образец спокойствия и уверенности в себе. Он знал, что одержит верх, но ему хотелось сокрушительной победы. Каждый голос имел для него значение. Как только первый поток избирателей схлынул, он приказал своим активистам самим проголосовать.

— Ты иди первый, Руф!

Руф сразу погрустнел. Все утро его раздирали сомнения, и ему стоило большого труда скрывать это от окружающих. Но делать нечего, и Руф засеменил к кабине. У входа его обыскал полицейский — не припрятал ли Руф незаконных бюллетеней. Потом чиновник по проведению выборов проводил его в кабину. Руф вынул из кармана бюллетень и задумался. Не может он предать Маркуса, даже по секрету. Он пойдет к тому человеку и вернет пять фунтов. Пять фунтов!.. Нет-нет, это невозможно! Ведь он поклялся богу Ийи! Красная бумажка, такая симпатичненькая...

Тут он услышал, как полисмен спрашивает у чиновника, почему этот молодой человек так долго торчит в кабине.

Руф очнулся, и тут пришла спасительная мысль. Сложив листок пополам, он разорвал его вдоль складки и опустил по половинке в каждую урну. Вернее, сначала проголосовал за Маркуса, а уже потом за Мадуну. Теперь бог Ийи ни в чем не усомнится.

При выходе Руфу предложили обмакнуть большой палец в красные чернила, чтобы он не смог проголосовать еще раз. Руф опустил палец в краску и вприпрыжку заспешил на свой пост подле лимузина вождя.

Перевел В. РАМЗЕС

Чинуа Ачебе, крупный нигерийский прозаик-реалист, родился в 1930 году. Ачебе — один из пионеров современного африканского романа. Три его книги: «Человек из народа», «Покоя больше нет», «И пришло разрушение» — переведены на русский, украинский, эстонский и другие языки народов СССР.

Предлагаемый вниманию читателей рассказ написан в то время, когда у власти в Нигерии еще находилось свергнутое в 1966 году продажное правительство Абубакара Балевы, пытавшегося превратить Нигерию в витрину западной «демократии».

З. ЮРЬЕВ

СЕДИНА И ХЭППИ ЭНД



Недавно Вито Латино, 43 лет, сказал в беседе с корреспондентом американского журнала «Ньюсуик»: «Я проработал в авиапромышленности 23 года. Последнее время я был старшим инженером в компании «Дуглас». Теперь меня уволили, и у меня нет ни малейших шансов снова найти работу главным образом потому, что мне больше сорока лет».

Мистер Латино не одинок. Для американского бизнеса люди старше сорока, как правило, уже выжатые лимоны, и в поисках работы они тщательно (и тщетно) скрывают свой возраст. Вот как примерно это выглядит.

У двери отдела кадров я втянул живот, молодцевато расправил плечи, взлохматил выкрашенные в черный цвет волосы и вошел. «Может быть, — подумал я,— имеет смысл пройти до стола строевым шагом? Нет, пожалуй, это будет выглядеть глупо».

— Прекрасная погода, сэр, — сказал я служащему, который держал в руках мое заявление,— не представляете, с каким удовольствием я пробежал десять миль от дома до завода. Обычно-то я бегаю в день миль по двадцать, но сегодня с утра побаловался штангой. Нет, нет, не тяжелой, всего сто килограммов.

Я так увлекся, что забыл про свой живот, и он тут же выкатился, но я вовремя спохватился и поймал его буквально на лету.

Служащий хмыкнул, както подозрительно посмотрел на меня и снова принялся читать мою писульку.

— Конечно,— продолжал я,— при таких нагрузках разыгрывается страшный аппетит, но я обычно съедаю к завтраку пару фунтов бифштексов по-татарски, знаете, это сырой фарш...— При этих словах моя язва сделала в желудке двойной переворот, испуганно ойкнула, и я почувствовал поднимающуюся тошноту.

— Гм, — сказал служащий,— вот здесь у вас написано, что вы работаете инженером с 1950 года. Между тем в другом месте вы указываете дату своего рождения — 1940 год.

«Боже,—пронеслось у меня в голове,— напутал! Так глупо попался, вот что значит неопытность...»

— Видите ли,— пробормотал я,— я начал работать инженером очень рано...

— В десять лет? — саркастически поднял брови служащий.

— Понимаете, как рассказывала мама, у меня с самого рождения были необыкновенные способности...

— В каком же возрасте, позволительно спросить, вы закончили школу?

— Школу?... Школу, вы говорите? Одну минутку, сейчас вспомню... Да, в пять лет. У меня, знаете, были необыкновенные...

— Прекрасно, — зловеще сказал служащий. — Согласно нашим правилам, мы вынуждены проверить, не выкрашены ли у вас волосы. Понимаете, многие кандидаты в надежде скрыть свой возраст красят волосы.—Служащий взял со стола ватный тампон и флакон с какой-то бесцветной жидкостью.

«Все пропало,— подумал я, и сердце мое упало. — Сейчас он смоет краску и увидит мои седины...»

— Сэр, — взмолился я,— зачем это? Разве вы не видите, что это натуральный цвет моих кудрей?..

— К сожалению, — нахмурился служащий,— это наше правило. Мы принимаем на работу только молодых людей. Нагните голову.

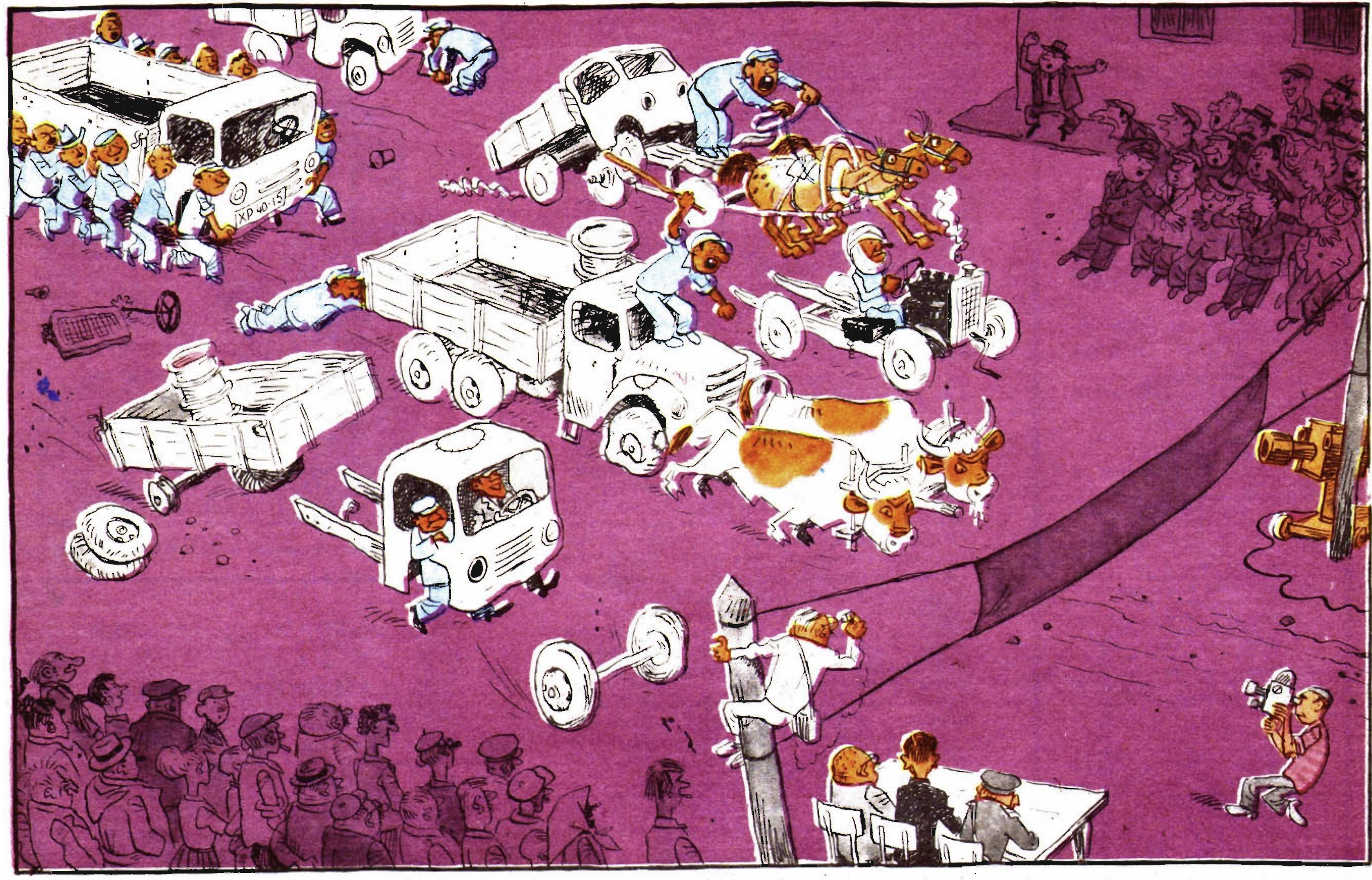
— Сэр,— со слезами в голосе воскликнул я и жестом мольбы протянул к нему руки. Служащий испуганно отпрянул, машинально дотронувшись рукой до своей пышной шевелюры.

А вдруг?.. Я решил рискнуть и бросился ему на шею, одновременно дернув его за волосы. И не ошибся. В руках у меня оказался парик, а служащий испуганно прикрывал рукой свою лысину, как прикрывают совсем другие места купальщицы на старинных картинах.

— Т-с-с,— наконец прошипел он,— отдайте мои волосы. Я думаю, мы обойдемся в вашем случае без пробы... Вы нам подходите.

* * *

Мы специально придумали для нашей маленькой сценки типично американский «хэппи энд», тем более что и «хэппи энд» бывает грустным...



Финиш авто355ралли, организованного управлением авторемонтных заводов.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

УЛЫБКА 70



С. РОМАНОВ (Минск).

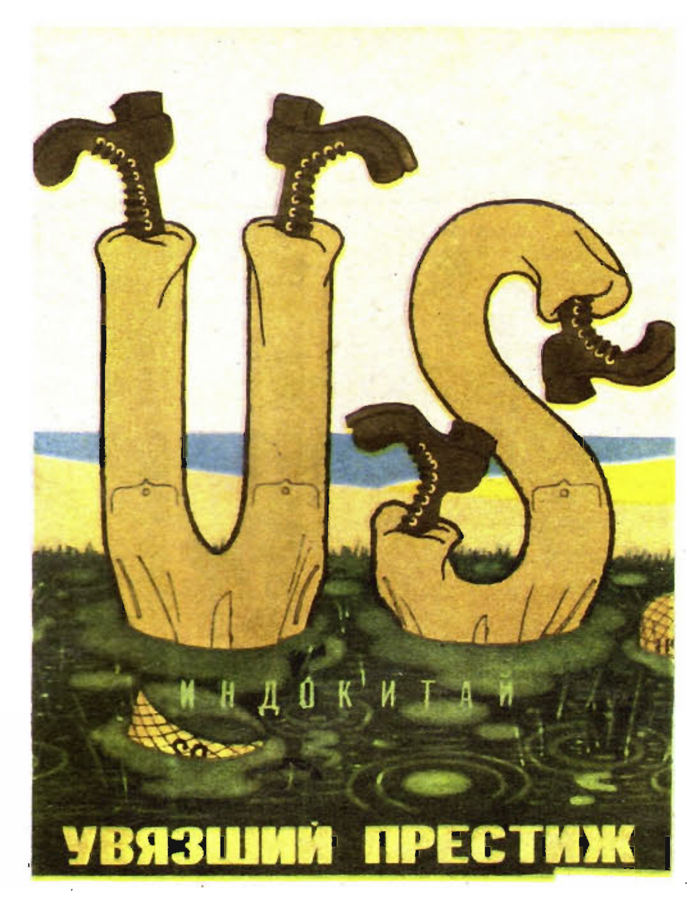
— Господин генерал, доставили шестую роту!
— Обратным рейсом заберите пятую!



С. МАЛАХОВ (Таллин).



«Древо агрессии» и его питательные корни.



Г. ЛОМИДЗЕ (Тбилиси).

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

С 3 по 31 августа в Москве, в Доме художника, была открыта выставка политической карикатуры «Сатира на линии огня». Зрители познакомились с двумястами работами шестидесяти ведущих карикатуристов страны, избравших на этот раз своими мишенями американскую агрессию в Индокитае и израильскую — на Ближнем Востоке.

Союз художников СССР и Оргкомитет выставки наградили дипломами ряд коллективов художников, а также отдельных мастеров политической сатиры.

Сегодня мы печатаем несколько работ, которые были представлены на выставке.

НА ТЕЛЕГЕ

Писатель-юморист Владимир Санин известен как автор нескольких книг веселых путешествий. На «газике» он колесил по Памиру, на траулере бороздил Индийский океан... Перепробовав множество транспортных средств, на этот раз он отправился в путешествие на... телеге. Маршрут проходил по древней русской земле — Псковщине. Потому книга, выпущенная издательством «Советская Россия», так и называется: «Мы — псковские!».

Автор, как водится, пережил немало увлекательных приключений. Читатель узнает, как трудно в наше время достать транспортную лошадь, познакомится с историей края и с сегодняшними псковичами, побывает на сказочной рыбалке, у лукоморья, где дуб зеленый... И, быть может, сам заразится страстью к путешествиям, о которых, не изменяя своему веселому стилю, занимательно пишет Владимир Санин.

«НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА»

Каков он, настоящий мужчина? Шекспир утверждал, что эталон настоящего мужчины — Гамлет. Лев Толстой отдавал предпочтение Пьеру Безухову. У дагестанского поэта-юмориста Абдула Раджабова тоже имеется свое мнение по этому вопросу. А какое — это вы узнаете тогда, когда прочтете его книжку сатирических стихов и басен, вышедшую в Дагестанском книжном издательстве. Книжка так и называется: «Настоящий мужчина».

«ПАРНАССКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»

Попробуйте-ка собрать сразу всех популярных писателей и поэтов! Не так-то это и просто! Кто-то обязательно в отъезде, кто-то занят... Однако автор одноименной книжки, вышедшей недавно в «Библиотеке «Перца», Юрий Иванин нашел самый простой, но в то же время очень трудный способ собрать видных украинских поэтов и прозаиков в одном месте и попросить их прочитать свои произведения.

Вы спросите: как автор это сделал? Очень своеобразно. Он написал пародию на каждого литератора, и пародии эти составили книжку.

Н. АЛЬТШУЛЕР

Исповедь изобретателя

Ох, надолго
Мысли скисли...
Изобрел я аппарат,
Что читать умеет мысли.
Изобрел — и сам не рад.

Все теперь его имеют
И без всякого стыда
Лезут в мысли, будто змеи,
Прямо с ходу иногда.

Вот вчера:
Идет прохожий,
Застегнул не так пиджак.
Я подумал лишь...
И что же!
Он при всех мне:
— Сам дурак!
Говорю жене:
— Где снасти!
Съезжу рыбку половить.
А она в ответ мне:
— Здрасте!
Ты ж сказал, что бросил пить.

Или вот —
Куда годится! —
Пляж. Все млеют на песке...
Вдруг меня одна девица —
Бац! — ладонью по щеке!

А на службе—страшно даже!—
Все свихнулись,
Все подряд.
Что ни спросишь,
что ни скажешь,
Отвечают невпопад.

День рожденья у главбуха.
— Долгих лет вам! — руку жму.
— Дудки,— он мне
шепчет в ухо,—
Я и вас переживу.
Предместкома приглашаю
Выпить рюмку коньяка,
Он: «Вопрос квартир решаем
На профгруппе и МК».

Я теперь всех стороною
За сто метров обхожу:
Вдруг подумаю такое,
Что и спьяну не скажу!

Сон не в сон.
И смех не в радость.
И к чему, себя кляня,
Выдумать такую гадость
Угораздило меня!





— Почему вы похитили эту машину?
— Я подумал, что у нее нет хозяина.
— Почему?
— Машина стояла рядом с кладбищем.

●

Мама:
— Как это ты ухитрился так вымазаться?
Пятилетний сын:
— Я ведь ближе к земле, чем ты.

●

На улице молодой человек подходит к девушке:
— Разрешите мне пригласить вас посидеть в кафе.
— Нет, благодарю вас.
— Учтите, что я не всех приглашаю в кафе.
— А вы учтите, что я не всем отказываю.

●

Американский сенатор вспоминает избирательную кампанию, когда он впервые выставил свою кандидатуру в сенат.
— В то время у меня был здоровенный пес, терроризировавший своим лаем всю округу. И вот в один прекрасный день ко мне пришла делегация соседей. Они заявили, что все как один отправятся на избирательный участок голосовать за меня. Растрогавшись, я стал благодарить их. «Да,— сказали они,— мы хотим сплавить этого проклятого пса в Вашингтон».

●

Сержант, обращаясь к своим солдатам: «Ребята, у меня для вас два сюрприза: один приятный, другой неприятный. Неприятный — к вечеру надо наполнить песком три тысячи мешков и приятный — песка у нас хоть завались!»

●

— Папа, почему ты вегетарианец?
— Из любви к животным.
— А тогда почему ты ешь их корм?

●

— Я вдова.
— А я вдовец.
— Ах, как это мило с вашей стороны!

●

На бракоразводном процессе идет спор, как поделить между родителями троих детей. Никто не соглашается взять двоих. В конце концов женщина воскликнула:
— Раз так, подождем, пока их будет четверо!

●

— Ты будешь меня любить, когда мы поженимся?
— Думаю, что да, моя милая. У меня всегда было влечение к замужним женщинам.

●

Гр. КРОШИН

ОНИ

...Раз так, лучше утопиться. Я медленно пошел ко дну. Конечно, я на всякий случай набрал много воздуха, и еще столько же во мне осталось с прошлого раза. Я интенсивно работал руками и ногами, а потом стал работать головой. Подумал, что, пожалуй, хватил через край, слишком уж завелся, строю из себя неизвестно кого и здорово перегнул палку. Конечно, никто не заметил, что я набрал много воздуха, и она, наверное, думает, что я уже утонул. Вряд ли я поступил правильно, оставив ее растерянную, плачущую, одну, в то время как сам нахально топлюсь, но...

Но ведь, с другой стороны, и она неправа. Может быть, у нее с этим Иванищевым и не было еще ничего особенного, а теперь уж, когда я не буду мешать... Я понимаю, что ревность моя неуместна, но ведь надо же ей дать понять, что я могу и утопиться, если она меня не уважает! А она еще смеялась. Теперь, наверное, ревет в три ручья и звонит в спасательную станцию. Но все это напрасно, моя дорогая! Меня уже не вернешь. В своей решимости покончить с собой я уже слишком глубоко зашел.

Вон меня как долго уже нет. Я уже и сам начал за себя волноваться. Представляю, что с ней делается. Интересно, громко она плачет? И что именно кричит? Жаль, очень жаль, что здесь ни черта не слышно. Тоже мне курорт! Вынырнуть или нет? Если вынырну — проявлю слабость: сказал и не сделал. Если не вынырну — проявлю силу, но больше уже ничего проявить не смогу...

Жаль, что нельзя дыхнуть. Хоть бы разок! А потом море по колено! Утонул бы со свежими силами — и кончено. Кажется, уже начинаются судороги.

Может, хватит ее мучить? У нее-то еще все впереди. Кстати, и воздуха уже давно нет. Выдохся.

Что-то похожее на щупальца впилось в мои волосы. Больно. Вот он, конец.

— Костя, что же это ты?! Зад наверху, голова в воде. Тут же ничего не найдешь. Здесь море по колено. Пошли дальше!

Иванищев вытащил меня из воды и посадил к себе в лодку.

— Я же говорил тебе,— улыбнулся он моей жене,— он просто не знает, где искать ракушки.



— Ты что, сынок, упечь меня хочешь?

Рисунок А. ГРУНИНА

Роман Григорьевич БЕРКОВСКИЙ
(к 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Яков КОЗЛОВСКИЙ

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

Если даже ты умелица,
Но явился милый друг,
Глаз подкрашенных владелица,
Опасайся чистить лук.

* * *

Всевышний первым сотворил мужчину,
На то имел он вескую причину:
Остерегался бог, что станет дама
Его учить, как сотворить Адама.

* * *

День полон ли красы
Иль снова ночь глуха,
Сто сказок у лисы,
И все про петуха.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»

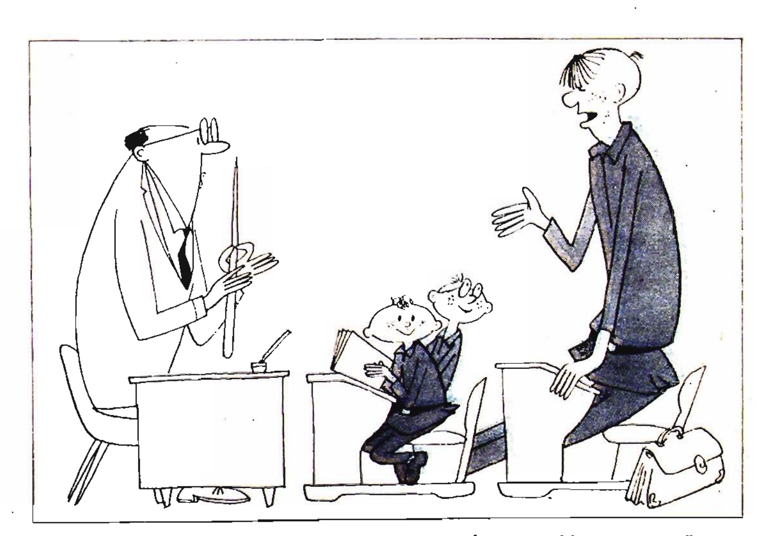
Уважаемые товарищи!

Можно было бы много говорить о том, что детище художника, появившись в печати, затем выходит из-под контроля автора и начинает гулять по страницам разных изданий. Так случилось у меня с юмористическим рисунком «На этом мы заканчиваем наш репортаж из зоопарка». Я сделал его для «Огонька» в 1965 году, затем с изумлением увидел его в одной из центральных газет под рубрикой «Из иностранного юмора» со ссылкой на югославскую «Политику», а в 1970 году в «игру» включился и «Крокодил», обвиняя меня устами своего специального корреспондента С. Спасского не более не менее, как в плагиате (фельетон «Плата за страх», № 6)!

Надеюсь, что редакция устранит это недоразумение.

Старший художник Ростовского телевидения Ю. М. Шляхов.

ОТ КРОКОДИЛА. Факты, изложенные в этом письме, подтвердились. Редакция приносит Ю. Шляхову, автору рисунка «На этом мы заканчиваем наш репортаж из зоопарка», свои извинения.



— Нет, Петр Михалыч! Реформа-то была в 1861 году. Я сам из крепостных.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА



Кенгуру

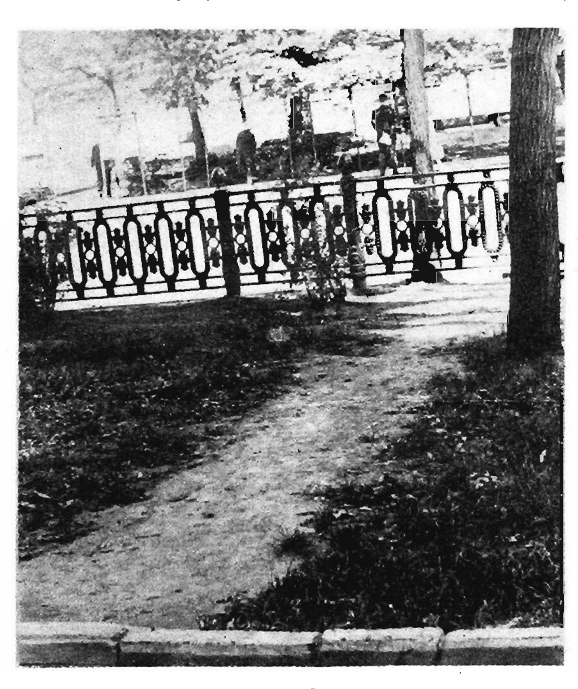
Г. МАРКОВИЧ

Фото А. КЕНДЗЕРСКОГО

К остановке, что находится возле Самотечной площади в Москве, то и дело подкатывали троллейбусы. Мимо, по Цветному бульвару, на полном ходу проносились «Волги», «Москвичи», грузовые машины. Неожиданно мое внимание привлекла вышедшая из троллейбуса пожилая женщина. Оглянувшись, она двинулась поперек проезда к узорной ограде бульвара. Я понял смысл ее маневра только тогда, когда она с легкостью перелезла заборчик и зашагала поперек бульвара. Там она — тем же способом — преодолела ограду и рысью затрусила к комиссионному магазину.

Переход через дорогу находился всего в ста метрах.

Осмотрев место действия, я обнаружил на газоне вот эту тропу.



Одна старушка утрамбовать ее не могла. Поэтому на следующий день мы с фоторепортером вышли «на охоту».

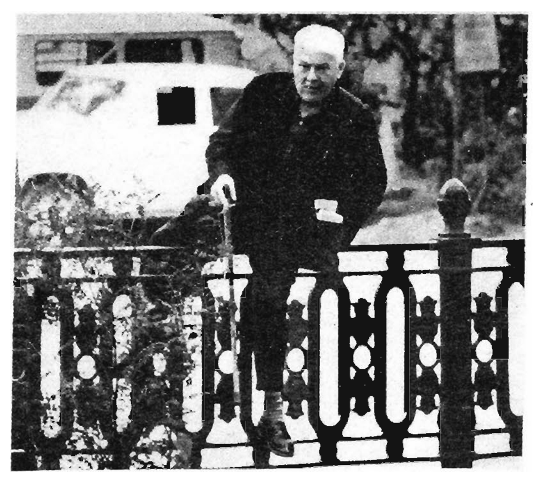
Ждать пришлось недолго. Первой у перелаза появилась все та же бабуся. Вот она, полюбуйтесь:



Упросив нас не упоминать ее фамилию, Мария Ивановна Икс вздохнула:

— Ну, грешна. Ну, лазию... Но нешто я одна?.. Эвона, а еще с тросточкой!

...Щелчок затвора скрытой камеры и — посмотрите:



Пенсионер Н. (он, упирая на преклонный возраст, также упросил «не срамить его перед внуками») долго пытался убедить нас в том, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками. Мы же пытались втолковать ему, что избранный им путь может оказаться кратчайшим расстоянием до другого места.

Наши рассуждения прервало появление очередного прыгуна. На сей раз им оказалась девица в мини-юбке. Стремглав пробежав проезд, ловко увернувшись от взвывшего тормозами такси, она одним прыжком перемахнула чугунную ограду...



Мы хотели взять у нее интервью, но от этого пришлось отказаться, так как она уже сидела на скамейке с ожидавшим ее товарищем и оживленно беседовала, передавая ему, очевидно, опыт и методы подготовки к прыжкам через забор.

Иллюстраций для фотофельетона было достаточно. Мы решили уже уходить, как вдруг заметили движущегося к перелазу пешехода. Задумчивое выражение лица, скрывающие глаза дымчатые очки, толстый портфель — все признаки интеллектуала... Неужели и он? Увы! Интеллектуал разбегается и, не выпуская из уст сигареты...



Такому прыжку позавидовали бы даже кенгуру.

...Мы не захотели ставить интеллектуала в неловкое положение, объяснять ему всю абсурдность его поведения на улице. Он, очевидно, все это сам может объяснить не только себе, но и другим...

КРОКОДИЛ

№ 26 (1964)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



Темы рисунков этого номера придумали: Ю. Андреев, А. Баженов, М. Битный, М. Вайсборд, О. Ведерников, А. Грунин, В. Жаринов, А. Семенов, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тамаев, В. Тильман, Е. Шабельник.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

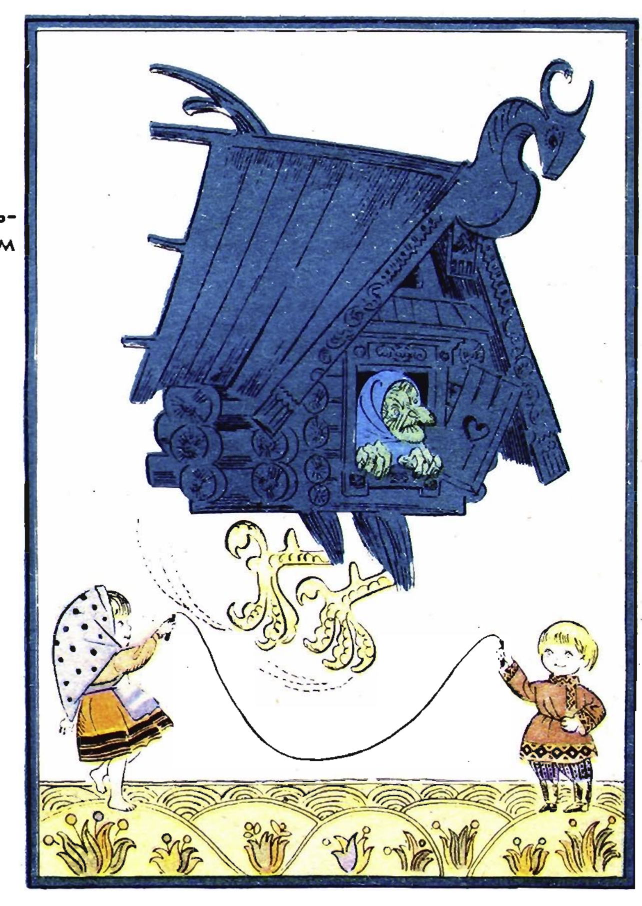
Сдано в набор 2/IX 1970 г. А 00138. Подписано к печати 10/IX 1970 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 300 000 экз. (1 завод: 1—3 882 400). Изд. № 1594. Заказ № 2450.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

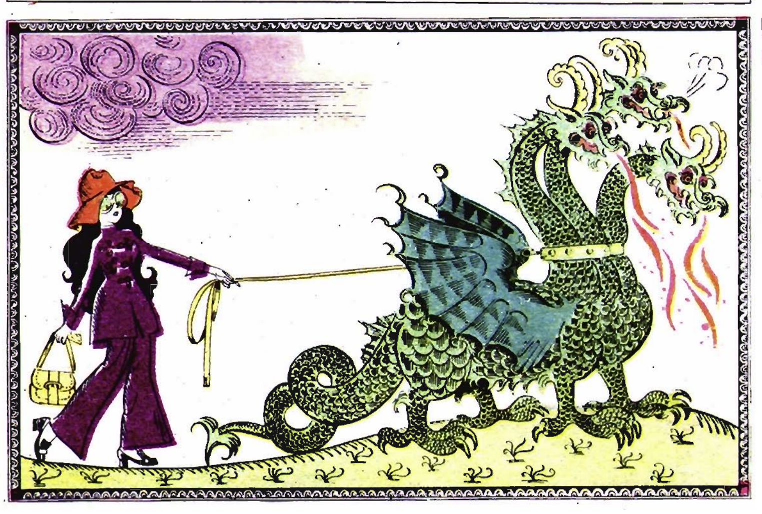
— По какому случаю пир горой?
— Мышка бежала, хвостиком махнула, а мы на нее все и списали!



Сказочный развод.



— Дети, перестаньте баловаться, вам говорят!



Прогулка с Горынычем.

Рисунки
М. БИТНОГО

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448